

К ВОПРОСУ О «ПЕРЕЛОМЕ» В МАНУФАКТУРНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ XVIII ВЕКА *

К. Пажитнов

Ставя себе задачей выявить элементы капиталистического развития в экономике феодально-крепостнической России XVIII в. и проследить их динамику, Н. Л. Рубинштейн правильно замечает, что «полнее всего эти новые отношения должны были сказаться в развитии промышленности, в росте мануфактуры в XVIII веке».

Изучая процесс её развития, Н. Л. Рубинштейн приходит к выводу, что в 40—50-х годах произошёл «перелом», приведший к тому, что к концу века определились уже существенные сдвиги, выразившиеся как в количественном росте мануфактур, так и в отношении структурных изменений, характеризующихся изменением состава предпринимателей, составом рабочей силы и уровнем капиталовложений.

С этими сдвигами автор и отождествляет зарождение капиталистических отношений в сфере промышленности: «Именно середина XVIII в. выступает переломным моментом формирования завязей новых социально-экономических отношений в глубоко антагонистической системе расширения господствующего феодально-крепостнического строя, моментом формирования капиталистического уклада в России»¹.

Возникавшие с этого времени мануфактуры Н. Л. Рубинштейн решительно противопоставляет так называемым крепостным мануфактурам XVII и первой половины XVIII в., считая последние «чисто крепостническими, вотчинными предприятиями, стоящими ещё вне капиталистического развития русской мануфактуры», и утверждает, что означенные предприятия «последовательно сворачиваются с середины XVIII в., уступая место промышленности нового типа».

Эта концепция, на наш взгляд, отдаёт кабинетной надуманностью, ибо проводит грани коренного различия там, где их не существовало в действительности.

* Я буду здесь касаться только одной части проблемы, которая освещается Н. Л. Рубинштейном в его статьях: «Крепостное хозяйство и зарождение капиталистических отношений в XVIII веке» и «О мануфактурном периоде русской промышленности и складывании капиталистического уклада в России XVIII в.» (см. «Учёные записки МГУ». Вып. 87-й, «Вопросы истории» № 12 за 1947 год).

¹ «Учёные записки МГУ» Вып. 87-й, стр. 102.

Конечно, мануфактуры с вольнонаёмным трудом представляют совершенно иной тип социально-экономических отношений, чем вотчинное хозяйство, ведшееся на основе барщины. Но крепостную мануфактуру нельзя отождествлять с вотчинным хозяйством. Крепостные мастерские получали обычно не натуральную, а денежную или, во всяком случае, смешанную плату за свой труд, находящуюся в известном соответствии со стажем или квалификацией рабочего. Нередки были случаи применения у них сделышины, которая в инструкциях рекомендовалась как «действительнейшее средство к ободрению труда и поощрению искусства», которое «увеличивает усердие рабочего и усугубляет его внимание»².

По справедливому замечанию Н. Л. Рубинштейна, «для хозяйства феодальной эпохи характерна внутренняя разобщённость хозяйственной деятельности, замкнутость отдельных хозяйств, потребность которых определяется в первую очередь потребительскими функциями».

Но к этому нужно добавить ещё застойный характер техники производства и низкий уровень производительности труда.

Появление мануфактур наносит удар этим вековым устоям феодального общества. Мануфактура работает не для собственного потребления её владельца, а для сбыта, и чем обширнее её размеры, тем теснее становится её связь с рынком как в отношении продажи изделий, так и по части закупки сырья и вспомогательных материалов. А так как крепостная мануфактура принадлежит к числу наиболее крупных предприятий, то их роль в разложении натурально-хозяйственного строя является даже более заметной по сравнению с так называемыми купеческими мануфактурами. В заслугу крепостной мануфактуры конца XVII и первой четверти XVIII в. нужно поставить, например, введение воздуходувных мехов и молотов, приводимых в движение водяными колёсами, организацию плочильного и железорезного производства, внедрение новой техники в целом ряде старых промыслов.

Таким образом, крепостная мануфактура была у нас важным этапом в переходе от феодального способа эксплуатации к капиталистическому.

² Пажитнов К. «Положение рабочего класса в России». Т. I, стр. 108—109. 1925.

С другой стороны, так называемая купеческая мануфактура, которая стоит в центре внимания Н. Л. Рубинштейна, далеко не безупречна с точки зрения категорий политической экономики. Преобладающая часть предприятий этого типа действовала на основе смешанного труда, причём на многих из них крепостные рабочие даже преобладали над вольнонаёмными. Вольнонаёмные же рабочие в большинстве своём не были свободными продавцами своей рабочей силы, так как выходили из среды крепостных крестьян, отпущенных на оброк; договор найма, заключаемый ими с владельцами мануфактур, был, следовательно, договор *sui generis*. Н. Л. Рубинштейн не делает попытки выделить из мануфактур нового типа те, которые преимущественно или в основном пользовались вольнонаёмными рабочими в действительном смысле этого слова, да наши источники и не позволяют произвести такое выделение в сколько-нибудь широком размере.

Но если это так, то принципиальное противопоставление новых мануфактур старым становится неоправданным, и сам автор не придерживается его строго. При характеристике мануфактурного периода русской промышленности нужно, следовательно, исходить из положения, что все виды мануфактур, хотя и в разной степени, заключали в себе элементы капиталистического развития.

Очерк промышленного развития России в XVIII в., данный Н. Л. Рубинштейном, сам по себе интересен, но ограниченность материала, который он, стоя на своей методологической позиции, считает нужным использовать, делает его выводы во многом ошибочными. Эта ограниченность сказывается главным образом в игнорировании того факта, что ведущее место на протяжении всего XVIII в. занимала не обрабатывающая, а горнозаводская промышленность. Ход развития основной её отрасли — чёрной металлургии — вкратце может быть представлен в следующем виде³:

Годы	Число чугуноплав. заводов	Выплавка чугуна в тыс. пудов
1718	48	1 617,0
1733	—	2 464,4
1767	82	4 998,0
1800	97	9 971,0

Как видно отсюда, средняя выплавка чугуна на один завод повысилась с 34 тыс. пудов в 1718 г. до 61 тыс. пудов в 1767 г. и 103 тыс. пудов в 1800 году. Таким образом, внушительный рост чёрной металлургии происходит на основе выраженной кон-

центрации производства; число заводов только удвоилось, а продукция увеличилась в шесть с лишком раз.

Достаточно полных данных о численности и составе рабочей силы в конце XVIII в., к сожалению, не имеется. Таковые имеются лишь за 1805 год. Но так как размер производства за первые пять лет XIX в. изменился очень мало, то данные 1805 г. можно считать вполне пригодными для характеристики положения дел в горнозаводской промышленности и для конца предшествующего столетия.

При образовании министерства финансов на основании закона 1802 г. в ведение его были переданы все предприятия, подчинённые раньше Бергколлегии. При передаче этой коллегией дел Горному департаменту, учреждённому при министерстве, и был составлен интересующий нас отчет, приуроченный, как это видно из некоторых замечаний в тексте, к 1805 году⁴.

Согласно этому отчету казне, кабинету е. в. и частным лицам принадлежало 209 горных заводов, считая только те, которые показаны как действующие, а именно: 151 чугуноплавильный и железоделательный, 42 медеплавильных, 13 сереброплавильных и 3 золотопромывальных. На всех этих заводах было занято 106 254 мастеровых, которых представляли крепостные разных видов и разных источников происхождения, 14 918 вольнонаёмных и 319 277 приписных крестьян (по 5-й ревизии)⁵. На один завод приходилось в среднем более 500 мастеровых, не считая вспомогательных работников. По сравнению с первыми десятилетиями XVIII в. средний размер уральского металлургического завода увеличился в 2—3 раза⁶.

В обрабатывающей промышленности наблюдался, наоборот, чрезвычайно сильный количественный рост предприятий, сопровождаемый их измельчением. По данным Е. И. Заозерской, при Петре I было основано 205 мануфактур, но из них 21 закрылась к концу 1725 года. Остаётся, следовательно, 184, а за вычетом чёрной и цветной металлургии — 126. Если даже присоединить 6 мануфактур, основанных в XVII в. и продолжавших действовать при Петре, то всего в 1725 году их было 132⁷.

В 1767 г. число мануфактур увеличилось до 498, т. е. в 3,8 раза. В 1804 г., согласно

⁴ См. Зяблевский Е. «Статистическое описание Российской империи в нынешнем её состоянии». Книга 2-я, стр. 151—234. 1808.

⁵ Пробелы в отношении числа рабочих по заводам: Артинскому, Богдано-Петровскому, Златоустовскому, Кусинскому, Луганскому, Саткинскому и Троицко-Петрокамскому — восполнены по данным, взятым у Германа «Die Wichtigkeit des Rüssischen Bergbanes». 1810. Tabelle № 6.

⁶ Кашиинцев Д. Указ. соч. Т. I, стр. 204.

⁷ См. Заозерская Е. «Мануфактура при Петре I», стр. 154—184. М. 1947.

³ Кашиинцев Д. «История металлургии Урала». Т. I, стр. 56—58, 109, 132, 217. 1939.

отчёту министра внутренних дел, мануфактур насчитывалось уже 2419. Однако в этот отчёт попало немало мелких предприятий ремесленного или кустарного типа. К сожалению, выделить их из общего количества не представляется возможным, так как данные о рабочих приведены не по предприятиям, а в суммарном виде. Такая возможность представляется лишь при обращении к анализу Ведомости о мануфактурах в России за 1812 год. Общее количество их в этом году определяется в 2332. Из них заведений с числом рабочих менее 16 было 1238⁸. Такие заведения можно отнести к разряду ремесленных или кустарных и исключить из числа мануфактур; составляют же они 53% всех предприятий, попавших в отчёт. Если эту норму применить к отчётным данным 1804 г., то количество мануфактур в этом году определится в 1137.

Против 1725 г. это составляет увеличение в 8,6 раза и против 1767 г. — в 2,3 раза.

Какие же качественные, в условном смысле этого слова, изменения происходили в это время в мануфактурной промышленности? Действительно ли старые формы её, характеризующиеся применением крепостного по преимуществу труда, стали подвергаться с середины XVIII в. свёртыванию и к концу его уступили место новому типу мануфактуры, пользовавшемуся в основном уже вольнонаёмным трудом? За отсутствием достаточно полных данных о составе рабочей силы в царствование Петра и в 40—50-х годах обратимся к рассмотрению более позднего материала.

В обрабатывающей промышленности, по Ведомости мануфактур-коллегии в 1767 г., на 498 учтённых ею предприятиях числилось 45 464 рабочих, которые распределялись следующим образом: приписных и покупных к фабрикам — 21 855 (48,1%), крепостных (помещичьих) — 5786 (12,7%) и вольнонаёмных 17 823 (39,2%)⁹. По отчёту же министра внутренних дел за 1804 г., на 2419 предприятиях числилось 95 202 рабочих, из которых приписных и покупных к фабрикам было 30 202 (31,7%), крепостных — 19 375 (20,6%) и вольнонаёмных — 45 625 (47,7%)¹⁰. За вычетом же заведений с числом рабочих менее 16 останется в мануфактурной промышленности 90 060 рабочих. Средний размер предприятия сократился с 91,1 до 80,0 рабочих на каждое из них.

За истекшей промежуток времени в 37 лет возникло очень большое число новых, более мелких мануфактур, количество рабочих на них выросло в два с лишком раза, причём

доля вольнонаёмных увеличилась с 39,2 до 47,7%. В этом сказалось действие, с одной стороны, указа 1763 г., запретившего покупать крестьян для купцов и разночинцев, из среды которых выходили основатели новых промышленных предприятий, а с другой — тех преимуществ, которые выяснились на практике от применения вольнонаёмного труда.

Однако говорить о «свёртывании» крепостной мануфактуры и об уступке ею места мануфактуре нового типа, применявшей свободный труд, пока ещё нет достаточных оснований. В действительности мануфактуры старого типа продолжали существовать наряду с новыми — это видно из того, что даже в начале XIX в. крепостные рабочие составляли большинство (52,3%), — и даже более того: они не только продолжали существовать, но и развивались. Об этом свидетельствует тот факт, что абсолютное число крепостных рабочих увеличилось с 27 641 в 1767 г. до 49 577 в 1804 г., т. е. почти на 80%.

О живучести старой мануфактуры говорит также и тот факт, что в суконной промышленности, которая играла доминирующую роль, количество вольнонаёмных рабочих обнаруживает тенденцию даже к абсолютному сокращению: в 1767 г. на 74 предприятиях их насчитывалось 4681, а в 1804 г. на 165 фабриках — только 2788 человек; между тем общее число рабочих выросло за это время с 17 871 до 28 689.

Всё это показывает, что характерной чертой развития обрабатывающей промышленности России за вторую половину XVIII в. является энергичный количественный рост мануфактур и их разукрупнение, внедрение же вольнонаёмного труда происходило медленно и постепенно.

Если так обстояло дело в обрабатывающей промышленности, то в горнозаводской процесс развития принял ещё более своеобразное направление. Расширение — и притом весьма значительное — производства происходило не столько за счёт увеличения числа заводов, сколько за счёт усиления их мощности. Средний размер предприятия не уменьшался, а возрастал, и никакой тенденции к внедрению здесь свободного труда не замечается.

Согласно отчёту Горного департамента, на казённых и кабинетских заводах числилось около 1805 г. 22 859 мастеровых и 227 455 приписных крестьян. На частных же заводах состояло 81 870 мастеровых¹¹, 14 918 вольнонаёмных и 74 465 приписных крестьян. Итого — 106 254 мастеровых, 14 918 вольнонаёмных и 319 277 приписных крестьян.

О мастеровых в отчёте говорится, что они «беспрерывно употребляются в работы заводские, за что пользуются годовым жалованьем»; вольнонаёмные же работники «за-

⁸ «Ведомость о мануфактурах в России за 1812 г.». Подсчёт сделан нами.

⁹ Ведомость о мануфактурах 1767 г. извлечена из фонда Коммерцколлегии и использована А. Г. Рашиным в его книге «Формирование промышленного пролетариата в России», стр. 13—14. 1940.

¹⁰ Табели к отчёту министра внутренних дел за 1804 г., № XVIII.

¹¹ К мастеровым мы относим также 23 187 «собственных крестьян», которые в отчёте объединяются с ними.

нимаются повольно перевозкою на заводы руд, брёвен на рудники, провантану, уголья и прочего, получая плату по условиям». А приписные крестьяне «обязаны исправлять заводские работы по нарядам, кои состоят в рубке куреных дров, разломке куч и возке из куреней на заводы угля, в рубке дров для обжигу флюсов, в возке с рудников добытой руды на заводы, песов и всяких флюсов, к пролавке руд потребных, в устройстве и починке плотин, повреждённых наводнением или пожаром». Эта повинность отбывалась ими в счёт подушного налога, а по окончании работ крестьяне возвращались домой для занятия сельским хозяйством.

При обращении приписных крестьян в так называемых непременных работников, которые должны были, согласно закону 15 марта 1807 г., работать на заводе уже не временно, а постоянно, на тысячу душ полагалось 58 человек. Если исходить из этого расчёта, то 319 277 приписных крестьян можно приравнять к 18 500 постоянным работникам.

Всего, таким образом, на горных заводах числилось в самом начале XIX в. 106 254 человека, занятых непосредственно на производстве, и 33 418 человек, выполнявших вспомогательные работы.

Если даже в целях сравнения оставить в стороне последнюю группу, поскольку в обрабатывающей промышленности вспомогательные рабочие не учитывались, то всё же выходит, что горнозаводской промышленности с 106 тыс. мастеровых принадлежит по числу занятых рабочих первое место. Ибо на фабриках и заводах, подчинённых бывшей мануфактурколлегии, состояло в 1804 г. только 95 200 рабочих, а за вычетом мелких заведений (с числом рабочих менее 16) — 90 060. Между тем роль вольнонаёмного труда в горнозаводской промышленности была очень скромная. Последний находил себе применение в основном лишь на вспомогательных работах. Мастеровые же люди, т. е. основные производственные кадры, как на дворянских, так и на купеческих заводах принадлежали к крепостным разных видов и источников происхождения. Только на небольшом Черепецком заводе, выплавлявшем 10 700 пудов чугуна, весь состав рабочих (100 человек) показан состоящим из вольнонаёмных. Если даже не сбрасывать со счетов вспомогательных рабочих, то всё же участие вольнонаёмного труда здесь оказывается очень незначительным — 10,9%.

Поэтому заявление Н. Л. Рубинштейна, что в новом, Оренбургском районе дело обстояло иначе и что там будто бы «в организации металлургических заводов... значительно большую роль играл вольнонаёмный труд», нужно считать, с одной стороны, имеющим частное значение, а с другой — основанным на недоразумении.

«Вопросы рабочей силы, нелегко разрешившиеся и в Центральном Урале, — гово-

рит автор специального исследования, — на Южном приобретали исключительную остроту. Край был вовсе лишён русского населения, которое годилось хотя бы для вспомогательных работ. Туземцы, как элемент по преимуществу кочевой... меньше всего мог быть источником трудовых кадров для регулярно действующего предприятия. Рабочую силу приходилось в полном смысле создавать. Возможности вольного найма здесь в середине XVIII в. отсутствовали. Решение... свелось сначала к разрешению приписывать крестьян из отдалённых мест, например, Казанской губ., а затем к предоставлению права покупки и переселения на заводы целых деревень из внутренних частей страны»¹².

Граф Шувалов, кроме приписки, купил для своих заводов около 25 тыс. крестьян из Орловской, Тульской и Калужской губерний. Купец Твердышев не отставал от графа и добился в 1758 г. специального сенатского указа, которым ему разрешалось покупать крестьян «в разных уездах сёлами и деревнями» для переселения на заводы, и в силу которого он купил и перебросил на Южный Урал до 15 тыс. крепостных крестьян.

Шатким является также утверждение Рубинштейна о «кризисе уральской вотчинной промышленности», выразившемся в том, что с 70-х годов останавливается рост Среднего и Северного Урала и усиливается значение Оренбургского и Подмосковного горнозаводских районов. Автор делает при этом ссылку на работу Кашинцева; однако делается она им неосмотрительно.

«Географических сдвигов за весь послепетугачёвский период до конца XVIII века, — читаем мы в этой работе, — не произошло... Несколько изменилась пропорциональность между Средним Уралом и Южным — не в пользу последнего (разрядка наша. — К. П.), где прибавилось всего 6 доменных печей на 19 центральных. Закончил своё географическое оформление и Вятский подрайон, получивший к 1790 г. двойное приращение — 4 доменных печи»¹³.

Нет оснований говорить и о повышении удельного веса Подмосковного района по сравнению с Уралом в деле выплавки чугуна¹⁴.

	Урал		Подмосковный р-н	
	тыс. пудов	%	тыс. пудов	%
1767 г.	3 938,2	76,8	984,4	21,7
1800 г.	7 974,0	80,0	1 749,0	17,5

Общее количество рабочих, занятых во всей крупной промышленности России, представленной в 1804—1805 гг. 1346 предприятиями типа мануфактуры, равняется около 230 тыс. (90 060 + 139 672); из них вольнонаёмных было около 58 тыс. (42 959 +

¹² Кашинцев Д. Указ. соч. Т. 1, стр. 121—122.

¹³ Там же, стр. 169.

¹⁴ Там же, стр. 132, 217.

14 918), что составляет 25,2% общего числа.

Всё изложенное показывает, что мануфактурная промышленность России сделала в целом после Петра большие количественные успехи, имевшие своим последствием довольно основательное расшатывание феодального строя и внедрение в него капиталистических отношений. Однако структурные изменения, происходившие в ней во второй половине XVIII в., носили ещё узкоограниченный характер, не затрагивая ведущих районов или отраслей производства. Изменить лицо Петровской мануфактуры они не могли; крупная промышленность продолжала оставаться ещё в основном кре-

постной, и действительный перелом в этом отношении имел место не в 40—50-х годах и даже не в конце XVIII в., а значительно позднее.

Этот момент относится, можно думать, к тому времени, когда под влиянием дальнейшего роста внутреннего рынка, введения сугубо покровительственных тарифов и внедрения новой техники, созданной промышленным переворотом в Англии, обрабатывающая промышленность в лице тех её отраслей, где преобладал вольнонаёмный труд, стала заметно выдвигаться на первое место, оттесняя на задний план горнозаводскую промышленность, продолжавшую опираться на принудительный труд.